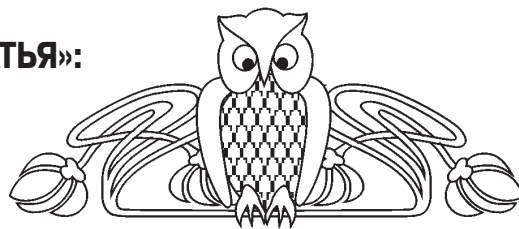

УДК 94 (410).07

«ГОРСКИЙ НАРЯД КАК РОД ВОЕННОГО ПЛАТЬЯ»: АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭТНОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1689–1759 ГОДАХ

С. Г. Малкин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: malkins@samtel.ru

В статье анализируются представления о горцах британских чинов, ответственных за умиротворение Горной Шотландии во время якобитских заговоров и мятежей (1689–1759 гг.). В особенности материал касается репрезентации, интерпретации и использования этнографической информации о горцах в умиротворении Хайленда. Риторические стратегии такого «изобретаемого» и «воображаемого» дискурса сочинений британских чинов и его стратегические политические и военные цели, роль и последствия также являются предметом анализа.

Ключевые слова: Великобритания, Горная Шотландия, «Хайлендская проблема», административная этнография, «горский наряд».

**«Highland Dress as a Sort of Military Dress»:
Administrative Ethnography of the «The Highland Problem»
of Great Britain in 1689–1759**

S. G. Malkin

The article analyses the views of the British officials responsible for the appeasement of the Scottish Highlands in time of Jacobite rebellions and conspiracy (1689–1759) on the Highlanders. Especially material concerns with the representation, interpretation and the use of the ethnographic information about them in the appeasement of the Highlands. The rhetoric strategies of that «inventive» and «imaginative» discourse of the British officials' narratives and its strategic political and military aims, role and issues are also the subjects of this analysis.

Key words: Great Britain, Highlands of Scotland, «Highland Problem», administrative ethnography, «Highland Dress».

Проекция власти британского современного государства в Горной Шотландии в процессе, в том числе интеллектуальной, колонизации этого мятежного края при помощи административных этнографических штудий с самого начала и с переменным успехом решала две взаимосвязанных задачи. Первая состояла в том, чтобы наполнить необходимым этнографическим содержанием образ «взбунтовавшегося» шотландского горца. Вторая носила более практический характер и состояла в выявлении и применении этнографической формулы «мятежного» горца в процессе умиротворения и «цивилизации» Хайленда (в обоих случаях недвусмысленно подразумеваемая искоренение якобитизма).

Это обстоятельство, в свою очередь, вновь подтверждает тот упускаемый многими из виду факт, что такая административная этнография Горной Страны выступала в качестве культурной технологии окраинной политики Великобритании в Хайленде в 1689–1759 гг.¹ Особый этнографический интерес в этом смысле у авторов мемуаров, рапортов и прочих отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывал «горский наряд», служивший для ответственных за умиротворение края британских чинов самоочевидным визуальным этнографическим признаком «мятежности» в Горной Шотландии.

«Поколение эпохи Просвещения видело в визуальном образе устойчивый медиум, через который реальность являла себя для понимания... Узнать человека значило прежде всего увидеть его... В XVIII в. этнографическое знание рождалось из визуальных наблюдений и последующих расспросов. Соответственно оно упаковывалось в «картинку» и «этнографическое письмо»².

Первый же отчет о состоянии Горной Шотландии в 1724 г. (первый официальный отчет, в котором особое внимание обращалось на этнографическое и военно-практическое (на) значение «горского платья»), мемориал лорда Ловэта, наглядно подтверждает вышесказанное: «Люди одеваются на старинный манер, пригодно для их странствий по холмам и долам и особенного образа жизни, который приучает их ко всем видам лишений. Их язык, будучи диалектом ирландского, никому, кроме них, непонятен; они очень невежественны, безграмотны и постоянно носят оружие, которое очень подходит к их манере его применения, и очень стремительны, выступая маршем с места на место»³. О том же, тогда же и примерно в том же контексте и тех же выражениях пишет и генерал Уэйд, продолжая пассаж о клановой системе Горного Края: «Оружие, используемое ими на войне, включает мушкет, палаш и щит, пистоль и нож или кинжал, переброшенные за спину вместе с пороховым рожком и сумкой для припасов»⁴.

В первом же рапорте Георгу II Ганноверу в 1727 г. командующий королевскими войсками в Шотландии весьма оптимистично выражает надежду, что благодаря его мероприятиям «горцы за несколько лет забудут про ношение оружия, которое во все века они полагали своей величайшей славой и гордостью в такой степени, что было невозможно увидеть горца без

мушкета, палаша, пистолы и ножа. По давнему обычаю сие считалось частью их платья и по моему первому прибытию в Хайленд носилось ничтожнейшими его обитателями, даже в их церквях, на ярмарках и рынках, которые выглядели скорее как плац-парады для солдат, чем собрания для молитвы или другие места встреч штатских обществ»⁵.

В 1724 г. эту же картину живописал в мемориале государственному секретарю Северного департамента Чарлзу Тауншенду, 2-му виконту Тауншенду, лорд Грэндж: «Люди стойкие и способны вынести любые лишения, довольствуясь самой жалкой и скудной пищей и нося так мало одежд, что обычно они полунагие, хотя со столь непотребной поддержкой сильны и активны. Мода, по которой скроен их наряд, подходит как для мира, так и для войны, включая оружие... Горец не желает покидать свой дом безоружным, и снаряжается по обыкновению, словно на битву, как джентльмен в других местах полагается на свою шпагу, когда отправляется за границу»⁶. Незадолго до последнего мятежа якобитов, в 1742 г., лорд Каллоден заметит, что «отряд дисциплинированных горцев, одетых в платье и говорящих на языке [Горной] страны», способен поддерживать закон и порядок в крае, опираясь на форты «красных мундиров»⁷.

Таким образом, этнографические особенности шотландских горцев были приписаны не жителям Хайленда, а тому наряду («Highland Dress»), с которым они неизбежно ассоциировались. Костюм указывал на социальный статус, «племенную» принадлежность, интеллектуальное и нравственное содержание клансмана. В этом смысле не случайно описание «традиционного» горского платья, как правило, помещалось комментаторами в своих отчетах где-то между изложением характерных особенностей феодально-клановой системы и местных военных обычаев, располагаясь часто во вводной части мемориалов и рапортов и являясь определенной интеллектуальной провокацией потенциальных читателей в Лондоне (задавая, в некотором роде, структурную основу для восприятия дальнейших комментариев)⁸. Именно одевание горца рассматривалось ответственными за умиротворение края чинами как воплощение мятежного духа хайлендеров, а «взбунтовавшийся» горец, в результате, выступал как центральный элемент этнографического портрета Горной Шотландии.

Новый наряд, как считали, менял идентичность, а вместе с ней и лояльность. Отсюда такое внимание властей к смене гардероба шотландского горца после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. Не только сами генерал Уэйд и лорд Грэндж (лорд Ловэт, обвиненный в государственной измене и казненный в 1747 г. выпадал таким трагическим образом из объяснительной схемы) подтвердили свою приверженность прежнему взгляду на «мятежного»

горца как на горца вооруженного и обряженного в килт. Такой же подход по-прежнему выказывало и правительство в Лондоне, последовательно и регулярно принимая и подтверждая запрет на ношение оружия и «горского платья», рассматривавшегося властями в качестве «военной униформы», как волынка в качестве «орудия войны» («Highland Habit as a sort of Military Dress»), а потому делая исключение только для отдельных рот из горцев и горских полков⁹. Примечательно, что в соответствующих актах вопросы разоружения находились в неразрывной связи с «модным приговором», вынесенным килту, или филибегу (philibeg) и, несомненно, более традиционному поясному пледу, или брекэну (breacan)¹⁰. «Мушкет, палаш, щит, нож и кинжал» воспринимались и представлялись как органичная часть наряда шотландского горца.

Логика подсказывала, что платье хайлендера, в свою очередь, само по себе представляло военный наряд. В Горном Крае объявляться в униформе было позволено только «красным мундирам», и на последних возложили неблагодарную задачу прививать местному населению репрессивными мерами (штраф, арест, отправка в колонии) вкус и привычку к одеждам мирного и лояльного подданного (по моде Англии и Нижней Шотландии). Отчеты патрулей в Горной Стране пестрят сообщениями подобного рода. Рутинная гарнизонной жизни и патрулирования в шотландских горах с целью поддержания закона и порядка в королевстве после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. двигалась по заданному генералом Блэндом в качестве командующего королевскими войсками в Шотландии ритму, темп которому, в свою очередь, задавали покражи скота, поиск виновных и контроль за исполнением актов о запрете на оружие и «горское платье»¹¹.

Такая весьма упрощенная версия этнографического костюма шотландского горца имела, между прочим, и обратную содержательную перспективу, в некотором роде идеологическую и практическую инверсию. Если горец был «варваром» постольку, поскольку предпочитал «традиционный» горский наряд, то политический и культурный дресскод, введенный Лондоном в Хайленде, вполне мог приручить мятежника, поставив завидные природные качества «благородного дикаря» на службу империи. По результатам своей миссии в Хайленд в 1724 г. новый командующий королевскими войсками в Шотландии генерал Уэйд первым же пунктом высказал предложение, «чтобы роты из горцев, преданных правительству Его Величества, были учреждены под надлежащим руководством и командованием офицеров, говорящих на языке страны, подчинены военному праву и инспекции и приказам губернаторов Форты Уильям и Инвернесса и офицера, командующего войсками Его Величества в этих краях»¹².

Уже после подавления последнего мятежа якобитов, в 1747 г., генерал Блэнд и лорд Милтон в «Предложениях по цивилизации Хайленда» совокупно заявляли, что «как только они [горцы] освобождаются от бедности и рабской зависимости от своих вождей, записываясь на службу Его Величеству в хайлендские полки, то ни один рядовой в армии не является более рассудительным и ответственным в казармах, более послушным своим офицерам, и более исполнительным к приказам, или более верным, когда служит гвардейцем»¹³. Одной из обязанностей генерала Блэнда на посту командующего королевскими войсками в Шотландии являлась подготовка рекрутов-горцев к отправке в Америку в составе новых хайлендских полков, вполне согласовывавшаяся с представлениями генерала о способах решения «Хайлендской проблемы»¹⁴. Первый министр Уильям Питт отчаянно нуждался в войсках для борьбы с Францией за океанами и потому согласился на эту меру, которую, в конце концов, одобрил даже герцог Камберленд, когда спустя десять лет после разгрома последнего мятежа якобитов оказалось, что единственная альтернатива переброске британских войск в Америку из привлекавшей все его внимание Фландрии, это набор хайлендских полков¹⁵.

Таким образом, в качестве основного модернизирующего института в процессе цивилизованного использования демографического потенциала Горной Страны регулярное британское государство рассматривало королевскую армию, а инструментами смены лояльностей горцев должны были стать военная дисциплина и надлежащий военно-административный контроль. «Горский наряд» в таком случае не только не запрещался, но, напротив, резервировался за хайлендскими полками и отдельными ротами из горцев, канализируя приписываемые им этнографические особенности в нужное правительству русло и подтверждая, таким образом, контекстный, преступный или привилегированный, статус «традиционного» платья хайлендера. В условиях запрета на ношение, хранение и применение оружия жителями Горного Края возможность на законных основаниях демонстрировать окружающим «горский наряд» повышала социальный статус завербованного в армию горца, обозначая таким странным (в особенности учитывая социальный состав британской армии в XVIII в.) для остальных жителей Соединенного Королевства образом более высокое общественное положение по сравнению с прочими членами горского общества¹⁶. Такая «модная» политика отражала представления о возможности и способности империи контролировать социальный порядок через контроль над «горским костюмом» и подтверждала современный статус британского государства. В таком вполне утилитарном смысле визуальный образ «Хайлендской проблемы»

оказывался чрезвычайно гибок и удобен как для официальных властей в Лондоне, так и для ответственных «шотландских» чинов и многих представителей местных элит.

При этом необходимо отметить, что административная этнография не столько фиксировала, сколько создавала своим особым письмом колониальные ситуации, представлявшие интерес для ответственных за умиротворение Горного Края чинов, их агентов и подчиненных в качестве «идеальных» типичных случаев проявлений местной культуры. Комментатор помещал образ «взбунтовавшегося» горца в заранее определенный им контекст ландшафта, культуры, социальных отношений Хайленда, часто ограниченных категориями «Горной войны» и «горского платья». В результате созданный таким образом этнотип воспринимался сквозь заданную автором аналитическую призму, побуждая читателя к реконструкции и интерпретации представлений комментатора. Отсутствие в мемориалах и рапортах официальных чинов указаний на конкретные детали «горского наряда» способствовало видению края как единого целого, облегчая этнографическое сравнение горцев и других «варварских» народов и проведение культурных, вместе с ними политических, экономических и социальных границ в британских владениях.

Характерно, что приверженность традиционной одежде в действительности часто объяснялась бедностью горцев, отсутствием материальной возможности обновить гардероб в соответствии с требованиями репрессивных актов правительства, на языке которых эта сугубо экономическая причина предпочтения «горского наряда» прочитывалась как политическая. Однако «горское платье», однажды войдя в таком неразделимом описании и представлении в визуальную культуру Великобритании, превратилось со временем в нормативное знание о «мятежном» горце и народах империи в целом¹⁷. В дальнейшем комментаторы не переставали созданные предшественниками костюмные этнографические зарисовки, идя по пути восполнения недостающего этнографического материала. Таковым является и представленная в донесениях патрулей детализация «горского платья». Таким образом, признанный аутентичным и неизменным (сочетая возможные инварианты) «горский костюм» комментаторов стал «эталонным образцом для этнической идентификации и одновременно выполнял роль знаковой системы» в этнографическом описании и административном определении «мятежного» горца¹⁸.

Статья подготовлена при поддержке Лондонской школы экономики и политических наук в рамках реализации исследовательских проектов «Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914» (2010 г.) и «Modernizing Empires: Regular State on the Margins of Europe – Britain and Russia in the Age of Reason» (2013 г.).

Примечания

- ¹ См., например: *Womack P.* Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands. L., 1989 ; *Kidd C.* Subverting Scotland's Past : Scottish Whig historians and the creation of an Anglo-British Identity, 1689–1830. Cambridge, 1993 ; *Clyde R. D.* From Rebel to Hero : The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton, 1998 ; *McNeil K.* Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007.
- ² Цит. по: *Вишленкова Е. А.* Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 3. С. 72.
- ³ *Fraser S.* Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822. P. 254.
- ⁴ *Wade G.* Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. Vol. I / ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895. P. 133.
- ⁵ Ibid. P. 160.
- ⁶ *Erskine J.* An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland / Edr: 29 Decr 1724 / The Scroll of one sent of the above Duke to the Viscount of Townshend, Secretary of State // National Archives of Scotland (далее NAS). Mar and Kellie Papers (далее МКР). GD 124/15/1263/1. P. 1.
- ⁷ *Forbes D.* Letter to General Clayton [вероятно, конец 1742 г.] // Culloden Papers : comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748 ; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. L., 1815. P. 362.
- ⁸ См. напр.: *Wade G.* Op. cit. P. 133–134 ; *Erskine J.* Op. cit. P. 1–2.
- ⁹ An Act for the more effectual Disarming the Highlands of Scotland; and for the more effectually securing the peace of the said Highlands ; and for restraining the use of the Highland Dress; and for futher indemnifying such Persons as have acted in Defence of His Majesty's Person and Government, during the unnatural Rebellion ; and for indemnifying the Judges and other Officials of the Court of Justiciary in Scotland, for not performing the Northern Circuit in May 1746 ; and for obliging the Masters aon Teachers of Private Schools in Scotland, and Chaplains, Tutors and Governors of children or Youth, to take the Oath to His Majesty, His Heirs and Successors, and to register the same. L., 1746 ; Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Vicesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Tenth Day of November, Anno Dom. 1747 , in the Twenty first Year of the Reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, Defender of the Faith, and etc. being the First Session of this present Parliament. L., 1748. P. 951. Акт 1746 г. о разоружении горцев и запрете на ношение «горского платья» и подтверждавший и расширявший его значение и применение акт 1748 г. утратили силу закона лишь в 1782 г.
- ¹⁰ *Rawlinson M. T.* Letter to the Lord Advocate. Invergary, 24 May, 1728 // Culloden Papers... P. 103. См. подробнее: *Trevor-Roper H.* The Invention of Tradition : The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 21–22.
- ¹¹ Highland Reports, 1749–1750 // Historical Papers relating to the Jacobite Period... Vol. II. P. 513–584.
- ¹² *Wade G.* Op. cit. P. 140.
- ¹³ *Bland H., Fletcher A.* Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в : Fletcher A. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746–1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746–1748 / ed. by C. S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902. P. 490.
- ¹⁴ *Plank G.* Rebellion and Savagery : The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006. P. 176.
- ¹⁵ *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil» : Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000. P. 45–47.
- ¹⁶ Примечательно, что, например, А. В. Б. Норман, говоря о «горском платье» в XVIII в., ведет речь исключительно о форме хайлендских полков: *Norman A. V. B.* A Note on Highland Dress after the '45 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1972–1974. Vol. 105. P. 316–318 ; *Prebble J.* Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. L., 1975. P. 29–30.
- ¹⁷ *Plank G.* Op. cit. P. 13.
- ¹⁸ Цит. по: *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 77.